

КАК СЛАДКУЮ ПЕСНЮ ОТЧИЗНЫ МОЕЙ, ЛЮБЛЮ Я КАВКАЗ!

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Литературный КАВКАЗ

№2 (20)

Март-апрель, 2013

ИЗДАНИЕ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ КАВКАЗА

Газета распространяется в городах: Краснодар, Майкоп, Черкесск, Нальчик, Магас, Грозный, Махачкала, Баку, Ереван

КЛАССИКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР КАВКАЗА

Аветик Исаакян
(1875-1957)

Я спал, и море снилось мне,
Был кроток синий вал.
Один лежал и во сне
От раны изнывал.

Дышало море тишиной
В раздумье без конца.
Явила рана болью злой
Живого мертвеца.

Лишь глосс нежно пел, звеня,
Из сердца глубины:
То пела мать, звала меня
С родимой стороны.

Одесса, 1898

Аванес Туманян
(1863-1923)

Армянское горе – безбрежное море
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет

Встает на дыбы иногда разъяренно –
И ищет, где брег голубой;
Спускается вглубь иногда утомленно,
В бездонный глубокий покой.

Но дна не достает она в этом море
И берега вовек не найдет
В армянских страданиях – на черном
просторе

Душа моя скорбью живет

ТВОРЧЕСТВО ПО СУТИ МОЛИТВА

К 70-летию Бадрутдина Магомедова

«У человека две обители: его трепетная краткосрочная жизнь и Слово (Дух)», - говорил выдающийся философ, литературовед, историк культуры Георгий Гачев. Если человек не всегда осознает эту истину, то деятели культуры воплощают ее в собственной судьбе. Тем более люди слова, поэты милостью божьей, на каком бы языке они ни творили. «Переведенное слово, к сожалению, теряет свой молочный вкус, ключевое, изначальное журчание. Но во мне живет благое намерение, мой друг, что эта встреча хоть на малость утолит твою жажду», - с такими словами обращается к читателю Бадрутдин Магомедов в книге стихов «Душа в поднебесье».

Годы проходят, а подлинные ценности не теряют свое притяжение, не теряют и поэтому, что сохранены рукой Мастера.

Мать, Отец, Дом, Земля – основополагающие координаты жизни человека. Все остальное происходит на периферии или внутри их границ. И потому напутствием звучат первые же строки книги: *«Материнское благословенье, породнившее небо с землей, нескончаемо и неизменно да пребудет вовеки с тобой».* Эпика и лиризм у Бадрутдина неразрывно связаны, и поэтому попытки отделить в его стихах гражданскую лирику от любовной, пейзажной, философской несостоятельны. Любой сюжет, любая тема под пером автора оживают, тревожат читателя, все стихи пронизаны, как кровеносными сосудами, любовью – подлинной, глубокой, одухотворенной. Любовью к матери и отцу, к односельчанам, к труду пахаря, крестьянина, к земле. Любовью, прозревающей небесное в земном. И это не художественное преувеличение, а органичное и универсальное видение жизни поэтом. Стихотворение «Идут женщины» - живописное полотно, где сцена из обычной крестьянской жизни - возвращение женщин с пашни домой, на наших глазах обретает скульптурные формы, кристаллизуясь в гимн женщине. Зримость, осязаемость образов почти кинематографичны, де-

тали конкретны, точны и художественно выразительны: *«Все длиннее и длиннее тени. Женщины торопятся домой. Ежевикой схвачены колени, Икры исцарапаны стерней...пахнущие солнцем, словно соты, росными утрами и зерном».* А дальше – с гордостью, любовно и песенно звучит авторский голос: *«Пусть им чужды модные одежды И мечты о звонком серебре, Пусть им чужды смутные на-*

Продолжение на стр. 2

Книга вобрала в себя лучшие произведения автора, имя которого уже вошло в классику дагестанской литературы. Сегодня, когда национальное чаще используют для разобщения, особенно востребованы личности, через которые сохраняется единство человека с землей, со временем, с человечеством. На наших глазах уходит эпоха людей классических, людей, ставящих содержательность жизни выше успеха. И тем значительнее встреча с ними, тем с большим пристрастием вслушиваемся в их слова.

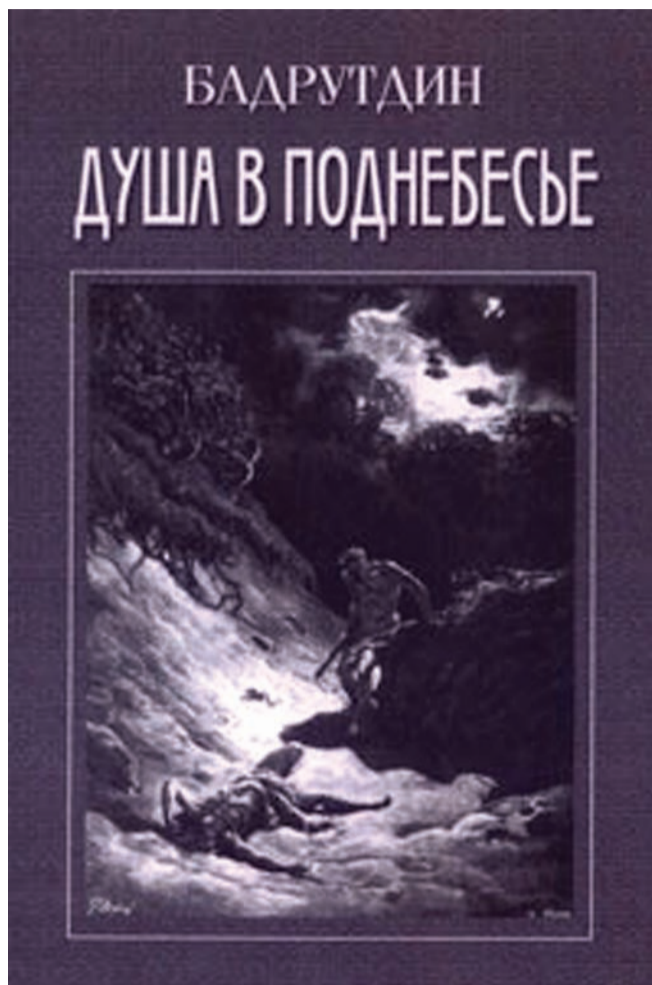
Книга состоит из четырех лирических циклов: «Благая весть», «Гроздь в листе», «Дыханье Венеры», «Душа в поднебесье». Отдельный цикл «Кипчакская страница» включает в себя три зарисовки из эпического полотна. Безусловно, особый интерес читателя вызовет драматическая поэма «Меж двух миров», публиковавшаяся ранее под названием «Муки рая». Как верно отметил Александр Межиров еще в 1980 году, «любители сенсаций не найдут в этой подборке пищи для пересудов. Вечные темы не сенсационны. Зато у них всегда есть не только настоящее, но и будущее».

Произведения номинарованные на соискание литературной премии Клуба писателей Кавказа на 2012 год

№ п/п	Название произведения	Авторы	Какая организация выдвинула
1	«Сказки народов Кавказа»	Кулик Татьяна Ивановна, Краснодар	Краснодарское краеведческое издательство «Раритеты Кубани»
2	«Муки рая»	Магомедов Бадрутдин Магомедович	Литературный актив газеты республиканской газеты «Ёлдаш», Республика Дагестан
3	«Зеркало к зеркалу»	Ольмезов Мурадин Муссаевич	Кабардино-Балкарское отделение Клуба писателей Кавказа

Отзывы на эти произведения и книги можно прочитать на сайте Клуба писателей Кавказа

ТВОРЧЕСТВО ПО СУТИ МОЛИТВА

Продолжение. Начало на стр. 1

дежды *О свалившемся с небес добре. Но они и сами – золотые В неподкупной гордости своей, Аульчанки, женщины простые, вечером идущие с полей*. И властный императив последних строк – это апофеоз авторского отношения к женщине: *Залегли в глубокие морщины их долготерпение и труд. Встаньте, победители-мужчины – женщины идут!*

Там, где корни уходят глубоко в землю, дерево плодоносит вопреки всему проходящему. Корни – это не только чувство генетической связи с родом, но и связь с каждым живущим и ушедшим, духовная преемственность, в ответе за которую – сыновья. Об этом стихотворение «Голоса» – одно из самых сильных лирических произведений автора, посвященных одновременно теме назначения поэта. Ночь, как в тютчевской традиции, обнажает то, что скрывает день, и тогда обостренней начинают звучать голоса ушедших, ушедших преждевременно, лишенных на земле любви и сострадания. Их голоса тревожат, как голос совести. Каждая ночь – своеобразный призыв к ответу, предвестник апокалипсиса. Перед судом голоса Отца предстает прожитый день: *Разверзлась земля, и, объятый туманом, ко мне Отец окровавленный вышел: – Мой мальчик, когда умирал я в чужой стороне, Ты боли моей не услышал*. Образ отца, погибшего в Великой Отечественной войне, – сквозной образ лирики автора. Неизбывная память о нем звучит во многих стихотворениях.

Хотя автор и пишет: *«Душа не спешит, созревая годами, Пролитившись не раньше, чем ей суждено»*, оглядывая творчество поэта последних десятилетий, убеждаешься: зрелость для лирического героя – не то состояние, к которому приходят с течением времени. Зрелость – неизменное состояние души для тех, кто сверяет свои чувства и мысли с чистотой детства и верностью отцовским заповедям. Шлифуется мера мастерства, углубляются образы и их нюансировка, расширяется тематика, но остаются неизменными духовные ценности, измерение которым – человеческое сердце: *«сердце время выверит и боль, Словно лемех, прочертивший круг»*. Удивительный образный ряд, где, в свою очередь, влияние человеческого сердца на течение времени сравнивается со следом лемеха на искусство пахоты.

Земля – так или иначе главная тема лирики автора, которой он никогда не изменял. Отношение к ней определяет меру падения или самостояния человека (*«уходил я от тебя, не изменяя. Те, что ринулись к богатству, не дошли»*), *«Вкус росы других земель известен мне, но замешана лишь эта на меду»*). Стихотворение «Изагли», посвященное родной долине, – это обращение и к прапави, колыбели жизни, и к любимой, которая благословит час рождения, и к матери, которая и в смертный час примет в объятия свое дитя. Стихи

Бадрутдина – не филологическая поэзия, в которой символы и знаки вытеснили первородность образа и его силу, а мифологичность тяготеет к литературным ассоциациям и цитатам. Это поэзия, в которой народная стихия проявляет себя с полнотой существования и достоинством подлинности, с мерой того отношения к жизни, без которого нет ее самой.

Созерцательность и рефлексивность – отличительные свойства поэзии Бадрутдина – привлекают читателя как своей доверительной, исповедальной интонацией, так и органичностью, полнокровностью образного ряда, неразрывно связанного с мироощущением человека, близкого к почве, к земле: *«Зачерпну из протоки озерной Звезды, как кукурузные зерна. .. Мне ли свежие борозды в поле Не близки, не отрадны до боли? Будто брови, по лику Земли Эти борозды мягко легли. Я сноп солнца возьму поутру, Я колосья в руке разотру, Разбросаю зерно из горсти, Чтоб сторичей ему прорасти»*. («Раздумья перед зарей»). Богатство таких ярких, незабываемых образов мифопоэтического ряда неисчерпаемо: *«Но как журавль, к земле прибитый ветром, себя в полет поднять я не могу»*, *«поговори со мною без обид, как роща с буйволенком говорит»*, *«дни, как буйволы, мерно идут, нескончаема их вереница»*, *«утро – как арба по меже с золотыми колосьями, лижет спину земли, как корова теленка»*, *«если жизнь проживу просветленно и мудро, пусть мне саван сошьют из полотнища утра»*.

Открывая поэтическую книгу, мы листаем ее страницы в поисках отзвука своим мыслям и чувствам. Но так же и книга вглядывается в своего читателя. Какие бы сокровенные мелодии ни создавала лира поэта, их не услышит тот, кому нечем резонировать. Если любовь к родной земле – не пустой звук и не повод для пафосных спекуляций, не может сердце не отзываться на поэтическое слово Бадрутдина: *«...Я расскажу, а ты внимай, И еслилюбишь отчий край, То не понять меня не сможешь»*.

Сквозные образы книги по сути – сквозные образы всего творчества автора: образ вселенной, распаханной, как поле, и засеянной звездами; образ поля и хлеба; образ пути человеческого, неразрывно связанного с миром природы, образ, вырастающий до символа: *«заплескалось алым башлыкком Огненное солнце за плечами»*; образ Дома как начала и меры всего: *«и ты очаг, готовый согреть, начни свое святое ремесло, мне в пору снова на колени стать, изведать хлеба доброе тело»*.

Я не могу назвать других авторов, с которыми можно сравнить Бадрутдина по потрясающей реалистичности и одухотворенности портретов своих земляков, односельчан, по узнаваемости в них простоты и величия народа, по таланту отношения к людям. Здесь он – преемник традиций Расула Гамзатова, чьи строки о людях как высоких звездах невозможно не вспомнить, размышляя над строками книги *«Душа в поднебесье»*: *«От века звезды неразлучны с нами, Уверен я, что будет так всегда, Горит звезда на древнем талисмани, Горит на новом знамени звезда. И свет не угасает их нетленный, Горят они и светят нам во мгле. Звезды ненужной нет во всей Вселенной, Души ненужной нет на всей земле»*.

Триптих «Три друга» посвящен дяде поэта Мажиту, самому лихому танцору села довоенной поры, вернувшемуся с фронта без одной ноги, односельчанам Магомедзапире, Басиру, также потерявшими ногу на войне. Они сохранили свою дружбу, свою верность земле, свою силу духа вопреки всем испытаниям, они едины – три друга, словно три струны на комузе. Не сложенные никакими испытаниями, земляки, представители старшего поколения, воплощают в себе лучшие качества народа. Герой стихотворения «Пастух Исмаил» из книги «Благая весть» – фронтовик, вернувшийся с войны с обожженным, изуродованным лицом. Чеканные, суровые строки воссоздают через конкретный характер собирательный образ солдата на войне и труженика в мирной жизни: *«Я о войне сто книг перелистаю, Которые нужны и не нужны, Но лишь в его лице я прочитаю Негаснувшие письма войны. .. Когда бушует солнечная сила И день пронизан яркостью до дна, Горят рубцы и шрамы Исмаила, Горят, как боевые ордена»*.

Мера эстетики – этика. Это универсальный народный критерий: *«Недаром вся округа говорила, Что, как ни разбирай и ни гляди, В ауле нашем краше Исмаила, Наверное, джигита не найти»*. Кладовая народной мудрости и воплощение человеческой высоты отражена в образах дорогих сердцу земляков, близких, судьба которых – пример единства слова и дела, напутствие молодым. Только очень большой поэт может сде-

лать факт из судьбы человека явлением литературы. В контексте нашего времени, когда идеалы и смысл жизни старшего поколения если не преданы, то отброшены, когда земля стала предметом циничного торга, поэзия Бадрутдина – это и искупление. Поэт отдал сполна дань уважения отцам и дедам за многих из нас, передав в наследство юным самое дорогое: *«Я землю не владею, Золота не знаю, Пред тобой благоговею, Борозда святая! Прежде чем глаза смежу я, Дай, тетрадь открою! Внукам брошу за межу я Слово золотое»* («Тетрадь»).

Уйдет, как накипь, всё временное и случайное, уйдет все, что жаждало славы, богатства и власти. И когда придет время держать ответ перед высшим, время протянет несколько томиков книг, и среди них будет благая весть Бадрутдина, летопись его души в поднебесье.

Для Бадрутдина как мастера поэтического слова нет ничего невозможного. Привлекает ритмическое разнообразие стихов, диапазон их звучания широк, разнообразен, богат. Автору доступны и акварельная тонкость пера («Усталая, созвучная природе, осенним увяданием дыша, подобно самой грустной из мелодий, вслед дыму устремляется душа»), и эпическая мощь, и песенное звучание, и притчевая мудрость, и элегическая раздумчивость. Развернутость параллелизмов и метафор дает стихам объемность и наполненность звучания. Стихи о любви из цикла «Дыханье Венеры» – тончайшего письма, изящество которых создается целомудренностью и высотой отношения («Знаю я – душа твоя богата», «Ты глядишь на меня с тревогой», «Какие наступили времена»), романтической печалью и сдержанной страстью («Смерть синего цветка»), улыбкой и нежностью («Твои веснушки»), благоговением и песенностью («Намаз», «Буйволица»). Не в дидактике, а в силе художественного дара и поэтической чуткости – секрет воздействующего слова поэта.

В новую книгу Бадрутдина вошла и драматическая поэма «Меж двух миров», в центре которой библейская история Адама и Евы. Сегодня религия стала своеобразной модой, и чем большее количество людей декларирует свою приверженность ей, тем, увы, поверхностнее уровень ее понимания. Многие сводят ее к ритуалам и обрядам, но мало кто стремится говорить на языке ее философии, поисков, прорзрений, глубоких откровений. Как важно возвыситься до религии, а не упростить ее до своего уровня, не превратить ее откровения в бухгалтерские счета: сколько грехов снимается за деяние, какое вознаграждение ты получишь в загробном мире. Уже эпитафия к поэме Бадрутдина вводит в другое измерение религии:

О Господь!
Если буду поклоняться Тебе
Из боязни Ада,
Там сожги меня.
И если буду поклоняться Тебе
Из надежды на Рай,
Изгони меня из него.
Но если буду поклоняться
Тебе
Ради Тебя самого,
Не укрывай от меня Твою
Вечную красоту.
Раби а аль Адавиа
(714-801гг)

«Человек верит в Бога, Бог верит в человека, Какво же долготерпение Бога?» – слова Ч.Айтматова – другой эпитафия книги. Те ожидания, которыми живет неутоленная душа читателя, оправдываются по прочтении поэмы, переведенной Муратом Аскеровым. Без сомнения, это одно из высочайших достижений современной дагестанской литературы, значимость которого будет лишь возрастать со временем и открывать новые свои глубины.

Тринадцать героев поэмы воплощают Небо и земную юдоль, историю семьи и историю человечества, муки и таинства ада и рая, света и тьмы. Этот труд – квинтэссенция жизненного и творческого пути автора, мыслителя, творца, но масштаб этого произведения выводит его за рамки только дагестанской литературы, это произведение – событие в литературной жизни более широкого порядка. Суметь наполнить известный сюжет такой глубиной психологического раскрытия темы, исполнить его с такой потрясающей драматической силой, полностью сняв инерцию восприятия сюжета,

Продолжение на стр. 3

ТВОРЧЕСТВО ПО СУТИ МОЛИТВА

Продолжение. Начало на стр. 2

заставить пережить его как впервые явленное действо - редкий дар. Каждый из нас творит свою жизнь, и мера приложения сил у всех различна, а плод творения соответствует воле и усилиям каждого. Бадрутдин создал произведение, за которым стоит мучительный труд сотворения мира и постижения его заново. В предисловии он так пишет об этом: *«В ней словно «морскими узлами» переплетены в один клубок мои сомнения, и вера, и любовь, и отчаяние. В процессе ее написания я вспоминал, мысленно представлял себе и записывал все дорогое, запавшее в мою душу... Я перечитал достаточно много книг по этому сюжету, известному всему человечеству еще на заре его появления. Но когда начал писать поэму, забывал все, что помнил, и как будто перебирал в памяти ночное сновидение, прежде всего прислушивался к своему сердцу, шел на его зов: то я попадал в крошечный ад, то стучался в жемчужные врата рая, то превращался в ангела, то мучился, принимая облик гордого и поникшего дьявола...»*

Бадрутдин проводит своего читателя по лабиринтам добра и зла, разума и сердца, рассказывая о вечной битве между Богом и Дьяволом за человеческую душу. Рассказывая блистательно, облекая в плоть и кровь хрестоматийные, казалось бы, образы, силой своего таланта заставляя пережить, выстрадать события через судьбу и страдания каждого из своих героев. Это новаторское произведение, и не только по философской глубине и художественной силе воплощения, но и оригинальности воплощения замысла. Сюжетная новизна произведения связана во многом и с образом Земли - одним из важнейших образов драмы. В первом действии Поэт, действующее лицо драмы, рассказывает о гармонии на Земле, еще не оскверненной жилищами и могилами, о Земле, подобной облику младенца. Творец, задумывая создать человека, намерен вручить ему судьбу Земли, чтобы он созидал на ней и был верен своему Творцу. Чтобы сотворить человека по образу и подобию своему, он посылает ангелов за комком земли.

И вот поочередно три ангела пытаются выполнить поручение Всевышнего. «Пытаются», потому что страдания и терзания матери-Земли лишают их непреклонности. В диалоге с Исафилом отражены и ее смятение, благоговение перед Богом, и боль матери: *«О Боже, мне ли, сотканной Тобой, Тебе перечить? Излечить или ранить В Твоей же власти. Только вот какой Я после стану? Как себя заставить Рушить тобой же созданный покой?»* Как же сильна боль Земли и как велико сострадание к ней, что и второй ангел - Михаил - возвращается, не решившись выполнить высшую волю, потрясенный ее мольбами и ее горем:

*«То бледностью, как мел, она покрылась,
То почернела, словно чернозем,
То, словно кровью алой обагрилась,
Как будто в смертный час.
Вершины гор
Огнями возгорелись. Океаны
Заколыхались от кипенья вод,
Пчелиным воском каменные скалы,
Растаявши, слезами потекли,
Собою застилая мир безбрежный.»*

*Поблекла, как травинка,
Мать-Земля,
И жалобно она ко мне взмолилась,
И девять раз, и девять девятьсот.»*

И ангел Джабраил не смог выполнить поручение Всевышнего перед лицом Земли, ее мольбой сохранить живительные соки: «Не в силах я перечить воле Божьей, Но и себя увечить не могу». Творец изумлен: «... не сумели Комочек глины вырвать у нее. Земля сильней?!» И лишь Азраил, суровый ангел смерти, смог преодолеть чувство сострадания, доселе ему неизвестное. Обращение Земли к Азраилу - это и плач, и мольба о любви к каждому творению, которому она служит пристанищем: *«Оставь цветы, дающие нектар, Моим чудесным пчелам медоносным. И пощади ты кроху-муравья, Что день и ночь бесцетному потомству Неугомонно ищет, бедный, корм. Комочек глины, а злочастий с небо, Что рушатся на голову мою».* Благоговение перед Богом и вынужденность послушания терзают Землю, но протест ли это, если она стремится продлить живительные нити, воздавая Богу за великий дар - продолжить жизнь? В рассказе Азраила разворачивается и обретает реальное, дословное наполнение метафора «плоть земли»: *«...изорвал утробу. Просеивая, словно в решете, Я выбирал ее, как будто душу Из тысяч душ земных я выбирал. И вырвал глины маленький комочек.»*

Диалоги поэмы великолепны, драматичны, исполнены страсти и силы чувств, психологичны, насыщены мыслями, их поворотами, столкновениями, парадоксами. При этом истина диалога выше истины каждой отдельной реплики, каждого отдельного монолога. Образ Земли возникает в диалогах других героев, но всегда Земля - мера деяний и благодати. Творец, создавая человека, надеется, что он превратит Землю в рай. Когда рождается первенец, счастливая Ева желает своему первенцу: «...замовлю заклинанье: Когда ступать ты будешь по Земле, Из недр которых твой отец был создан, С любовью относись к ней...». Авель перед закланьем в ответ на пренебрежительные слова Каина: «Ты говоришь, как ангел в поднебесной, А сам уже землею отдаешь», обращается к нему со словами напоминания: «Мы все навеки связаны с Землей, Ведь из земли отец наш сотворен, И мной вернется долг. ...Весь род людской навечно в ней возляжет». Ева, оплакивая сыновей, обращается к Каину: *«Как мне ступать по Земле, окропленной кровью и Превращенной нами в печали юдоль? Как на Земле дальше жить и с враждой, и с любовью? Каин, сын мой, подскажи, моя радость и боль!».* В диалоге с Дьяволом Адам отвечает на его упреки: *«Мой мир иной. И долею страдания Я мерю свое счастье. Посему Я, одаренный жизнью на Земле, уж как никто ценю крупницу счастья. Да, не изведал материнских ласк, Но, из Земли радушной сотворенный, Я сердцем чую каждый ее пласт. Я - плод Земли, Всевышним вдохновленный, И чувствую нутром ее тепло. И я судьбе за это благодарен.»*

Герои поэмы - не аллегорические образы или символы, а живые, противоречивые, мыслящие создания, каждый из которых по-своему привлекателен, сложен, каждому в какой-то мере страдает. Привлекателен борьбой с самим собой, своим поиском, неоднознач-

ностью. Поэт, завершая свой труд, рассказывает об отношении к своим героям, с каждым из которых он разделит их горечь и волнения, их славу и бесславие, их человеческую сущность: «...Перед Адамом голову склонял, Умерив пыл в почтении сыновнем... Пред Матерью-Землей благоговел, Моля ее, чтоб не таила злобу. Ей долг еще отдать я не успел, Но в оный час вернусь в ее утробу...». Выражение «долг перед Землей» получает такое же реальное наполнение, как и «плоть земли». Этот долг - безусловная и настоятельная потребность человека.

Судьбы, испытания и страдания героев поэмы сегодня так же современны, как тысячелетия назад. Но мера зла на земле возросла многократно. Испытания Земли и ее страдания переступили границы мыслимого и немислимого. Чем ответил человеческий сын на великую и самоотверженную любовь Земли, на ее терпение и мольбы? Слышит ли он ее, и насколько велика мера терпения Земли? «И что за зверь так пользуется мною?» - задают ли себе вопрос раскаявшегося Каина его последователи? Чем ответил человек на милость Господа, сотворившего его по образу и духу своему, поставившего его в ответе за Землю? Именно человека предпочел Творец всемогущему и некогда преданному ангелу, восставшему в гордыне против Создателя: *«Меня намного раньше из огня Ты сотворил, его же слепил из глины! Мой сан в десятки тысяч раз превышает человеческого званья. Ужель пред ним мне голову склонить и растоптать в пыли свою же гордость?»* И чьи силы множит человек в вечном противостоянии Света и Тьмы? Вкусивший от Древа добра и зла, познал ли он истину и сохранил ли способность чувствовать тепло Земли и верность ее любви? Нет ничего современнее вечных истин и вечных вопросов, и если нам дано их услышать, есть надежда, что божьему замыслу все-таки суждено осуществиться. Так подлинно художественная литература вносит свою лепту в осуществление человеком его предназначения.

«Всякое творчество есть по сути молитва», - говорил И.Бродский. О. Мандельштам сказал об этом по-своему: «Поэзия есть сознание своей правоты». Память не случайно рождает эти воспоминания, когда открываешь новую книгу Бадрутдина «Душа в поднебесье» и слышишь голос автора: «Переведенное слово, к сожалению, теряет свой молочный вкус, ключевое, изначальное журчание. Но во мне живет благое намерение, мой друг, что эта встреча хоть на малость утолит твою жажду»...

Миясат
МУСЛИМОВА

Поэт. Творец

Поэт

Вот ночь прошла, даруя мне не сон,
Звезда с тоской прощается с Луною.
Но вдруг зарю пронзает тяжкий стон,
Врываясь в сердце яростной волною.
Я весь в поту холодном. То озноб,
То жар гнетёт души моей все фибры.
Я вскакиваю, вздрогнув. Словно в лоб
Укус змеи хватил. Все боли мира
Сжимают сердце обручем тугим.
Безвестных сонм ко мне с немим укором:
«Похорони нас, будешь ты храним».
И молит тень отца с печальным взором:
«Ужель Земля принять не хочет нас?!».
Что делать? Сердце в ранах. Брови хмурит
Сердито небо. Землю в злобный час
Зимой дождём, а летом снегом кормит,
Что свет не мил для зрячих и слепцов.
Вещала в мир пророчица: «Похоже,
На овне ворон выведет птенцов
В последний день!». Ужель он близок?
Гложет Меня сомненье страхам вопреки.

Молно Тебя ответить мне, о Боже,
Как друг от друга в жизни далеки
Мы в колыбели и на смертном ложе?!
И из Земли Тобою сотворён,
Пока не выпью жизни «сладкой» доли,
И в Землю вновь не буду затворён,
Нет ли пути спастись от сей юдоли,
И чтоб он был не мною проторён?

Творец

Одна стезя у вас, что тоньше нити,
На Небо вас ведущая. В конце
Наградой будет ваша жизнь, по сути.

Но ты поэт. В восторженном словце,
Людей, тобой любимых, лицемереешь
Ты истину, не замечая ложь.
Ты, презирая жизнь, её лелеешь,
И каждый шаг ввергает тебя в дрожь.
Змея, тобой пригретая однажды,
Петлёй вокруг шеи «нежно» обвилась.
Но ты поэт. Ты умираешь «дважды»:
В теснине меж пороками давясь,
И благами не в меру захлебнувшись.
А человек ещё — при жизни червь —
Ест сам себя, вампиром обернувшись.
Но ты поэт. Твой путь как голый нерв.

На нём, как на струне, ты в жизнь играешь,
С усладою умело скорбь смешав.
Себя ж земных ты радостей лишаешь,
Потомкам жизнь благую завещаешь.
Уныло ожидая час предсмертный,
Ты с кроткою улыбкой примешь смерть.

А ныне же поведай стих заветный,
Чтоб до небес он смог бы долететь...

Действие первое
Картина первая

Поэт

На длани Бога мир, им сотворённый,
На небе звёзды обрели приют,
Огонь умерил пыл свой разъярённый,
Теща надеждой Землю. Волны льнут
Смирненно к берегам своим заветным.
Семи Небес всезвёздный водопад
Юлой вращает Землю безмятежно.

Продолжение на стр. 4

БАДРУТДИН НАЧАЛО СЛОВА

Отрывок из поэтической драмы «Муки рая»

Продолжение. Начало на стр. 3

Во всём царит спокойствие и лад:
Вот Солнце Землю согревает нежно,
Затем Луна в ночи покой струит,
Венера ласку дарит ей прилежно,
Зарёю алой Марс её багрит.
Чиста она ещё от злых проклятий,
Свободна от жилищ и от могил.
И нет на ней греха, и нет заклятий,
И целый свет ей благостен и мил.
Земля подобна облику младенца,
Чей взор сияет радугой небес.
Не осквернял еще её десницу
Ни человек, и ни лукавый бес...

Картина вторая Творец. Ангелы

Творец
Забот полно, а на Земле — безмерно,
Она меня волнует вновь и вновь.
Её судьбу грядущую намерен
Вручить кому-нибудь, чтоб он, как новь,
При жизни созидал на ней, и верен
Был только мне. А будет сотворён
Он из земли. Живым он станет храмом,
Коль скоро будет мной одушевлён,
И будет назван мною он Адамом.

Ангелы
Твоё веленье — нам закон, Творец,
Мы Промыслом Твоим живём извечно.
Тебе служить — ведь счастья венец,
А услужить мы рады бесконечно!
Перед Тобою головы клоня,
Позволь спросить: кого Твоё творенье
Напоминать нам будет? На Земле
Или на Небе жить ему веленье?

Творец
По образу, подобью своему
Я сотворю его из красной глины,
Дыханьем жизнь я подарю ему,
Душою озарю его глубины.
И сердцем чистым я его снабжу,
И будет на Земле он мой наместник,
Над всем живым его я посажу.
И ангелы небесные, к их чести,
Пусть поведут его в блаженный рай,
Он пусть услышит там благие вести,
Пусть лицезреет сам чудесный край.
Вы, ангелы мои, мои опоры,
Я ныне вам веленье изреку:
К Земле летите с вестью, будьте скоры.
От зноя тенью вас заволочу,
От лютой стужи теплотой укурю,
Но горсть земли, и каждый по комку
Повелеваю принести с собою!

Картина третья

Поэт
Сердца наполнив вождельем,
Собрались ангелы в свой круг.
И, окрылённые стремленьем
Нажиться сонмами заслуг,
Они готовы перед Богом
Исполнить волю до конца.
И тихо спорили друг с другом
За честь владетеля венца.
Но вот был брошен ими жребий:
Кому же Бог благоволил?
А счастье, после треволнений,
Уже лелеял Исафил.
В печали сникли остальные,
Кто зарыдал, а кто вздохнул.
А он, раскрыв крыла стальные,
На Землю тотчас упорхнул.

Картина четвертая Исафил. Мать-Земля

Исафил
Приветствую тебя, Земля святая,
Наслышан о красе твоей не раз.
На твердь твою, благой ногой ступая,
Всевышнего несу тебе наказ.

Мать-Земля
Твой путь начертан Богом. Я, внимая
Тебе, готова выслушать рассказ.

Исафил
Из лоны твоего, где соль долины

БАДРУТДИН НАЧАЛО СЛОВА

Отрывок из поэтической драмы «Муки рая»

Промыта родником и благодать
Там бьёт ключом, мне велено из глины
Забрать комок и Богу передать.

Мать-Земля
Хвала Творцу! Достояна ли я чести
Столь ценный дар Ему преподнести?!
Но голос твой, как гром, разит, а вести,
Что ты принёс, ужасны. Да простит
Меня Творец. Но ты зловещим гостем
Явился. Ведь животворящий ток
Невинных жил моих никем не тронут!

Исафил
Понятны мне твои стенанья. Бог
Воздаст за них сторицей. Только стонут
Мои печали: я обязан в срок
Комок из недр твоих Ему доставить!

Мать-Земля
О Боже, мне ли, сотканной Тобой
Тебе перечить. Излечить, иль ранить
В Твоей же власти. Только вот какой
Я после стану? Как себя заставить
Рушить Тобой же созданный покой?

Исафил
Ответы у Творца, что нами правит.
(улетает)

Картина пятая Творец. Ангелы

Творец
До срока — день. Ответа нет поныне.
И мысли допустить я не могу,
Чтоб вы меня ослушались. Доныне
Такого не случалось. Берегу
И сдерживаю гнев пока... Однако,
Явился Исафил. Что скажет он?

Исафил
Слова убоги, если нет в них прока,
Достойны мне отныне плач и стон.
Из ангелов был первым удостоен
Тобой я этой чести. Но не смог
Исполнить долг. Должно быть, я был
Со слабым сердцем...

Творец
...Я не слышу слог,
Достойный ангела...

Исафил
...Земля ко мне взмолилась:
«Укутавшись от лютых холодов
Периною из снега, а весною
Насытив стебли влагой из небес
Травой зелёной, только нарядила
Я твердь свою. Утробою чиста.
Голодному служу я пропитаньем,
А голым — одеянием служу.
Не ведала греха. Но содрогаюсь
От мысли, что мой первозданный вид
Предастся растерзанью. Умоляю
Мольбу мою с поклоном передать
Всевышнему»...

Творец
... Вторым к Земле спустился
Ты, Микаил, что скажешь?..

Микаил
...Уж немым
Мне б вечно быть, коль скоро нет ответа!
Над воинством небесным княжить я
Тобою был назначен. Растерялся
И твердость духа потерял в тот миг,
Когда Земля с пониженным взглядом скорбным
Окинула всего меня...

Творец
... И что ж?

Микаил
То бледностью, как мел, она покрылась,
То почернела, словно чернозём,
То, словно кровью алой обгадилась,
Как будто б в смертный час. Вершины гор
Огнями возгорелись. Океаны
Заколыхались от кипенья вод,
Пчелиным воском каменные скалы
Расставившись, слезами потекли,
Собою застилая мир безбрежный.
Поблёлка, как травинка, Мать-Земля
И жалобно она ко мне взмолилась,
И девять раз, и девять девятьсот.

Творец
Всё ясно, хватит слов. Всё ж не сумели
Комочек глины вырвать у неё.
Земля сильнее?! Достоин удивленья!
Ну, Джабраил, я слушаю тебя,
Быть может, ты средь ангелов удачлив.

Джабраил
Увы, удача далеко была
На этот раз, Всевышний. Из доверья
Впервые выхожу, о, как мне жаль!
Ведь с именем Твоим же сокровенным
Земля ко мне взмолилась...
Творец ... Говори!

Джабраил
«О горе, — мне сказала, — Перед Небом
Я ведь чиста, безгрешна. Ты прости,
Не в силах я перечить воле Божьей,
Но и себя увечить не могу.
Пусть в каждую из огненных ступенек,
Что с неба снизошёл, проникнет свет!
Зачахну я, живительные соки Мои ис-
сохнут.
Именем Его Клянусь тебя, оставь меня.
Благие Ты вести приносил всегда. Теперь
Одной лишь скорби от тебя дождалась!»
Зачем меня, Всевышний, одарил
Ты добротой чрезмерной? Милосердие
Я проявил к Земле. Виновен я,
Что не сумел исполнить Твою волю
И жажду наказания Твоего.
Увещевал её: «Без воли Бога
Я не могу предстать пред Ним ни с чем».
В который раз уж одолела жалость.
И к ней самой, да и к словам её.
«Я стану, — говорит, — твоей рабыней,
Молитвы вознесу и в Судный день
Я смерть приму, тебя благословляя.
Мы все ж в долгу: ты излучаешь свет,
Я жизнь собою в мире созидаю».

Творец
И ты ни с чем, мой верный Джабраил.
Не вижу среди вас я Азраила.

Азраил
Я рядом, мой Творец. Был долгим путь
И трудным был, скажу. Мне состраданье,
Дотоле неизвестное, едва
Не растопило каменное сердце,
Взывавшее к безудержным мольбам.

Творец
О чем она просила?..

Азраил
...Уж словами
Смогу ли передать её мольбу.
«Скажи, — сказала, — чувствами какими
Мне угодить тебе. Твои глаза,
Небесным осенённые сияньем,
Какие мои лики предпочтут?
И до тебя три ангела спустились
На твердь мою: добрейший Исафил,
И Джабраил был здесь великодушный,
И Микаил, небесной рати князь.
Я спела плач на их огнистых струнах
И обрела, казалось, я покой.
Но горе ненадолго миновало

Мою судьбу. И тут явился ты,
Явился, словно крик из преисподней,
Как страшный гром, как обнаженный меч.
Из родников пречистых и целебных
Я жажду утолю твою водой,
И ветром тёплым, что ласкает склоны,
Я бороду седую расчесу,
Что осияет лучезарным светом.
Отдохновеньем у тенистых гор
Я одарю тебя сейчас. Быть может,
В пути ты утомился. Нелегко ж
Взойти на крыльях на Седьмое небо!
Оставь, прошу, мой первозданный вид,
Не нарушай гармонию блаженства,
Не иссуши мою траву от слёз,
В безводный лик пустынь не превращая,
Оставь цветы, дающие нектар
Моим чудесным пчёлам медоносным.
И пощади ты кроху-муравья,
Что день и ночь бессчётному потомству
Неугомонно ищет, бедный, корм.
Комочек глины, а злосчастий — с небо,
Что рушатся на голову мою!
Прощу, избавь меня от этой раны!».
И обгадилась алою красой,
Смешав с зарёй свой ясный лик прекрасный.

И продолжала: «Знаешь, птичка есть,
Что «гурией» цветасто нарядившись,
Возносит в своих песнях каждый день
Премножество молитв Творцу. Сегодня
Она свила гнездо. В погожий день
След от копыта оленихи быстрой
Приютом ей надёжным послужил.
Его согрела мягкою подстилкой,
Края комочком глины обнесла,
Вдохнула страсть в него и жизнелюбие.
В великих муках, побеждая страх.
И, с ликованием обретя надежду,
Она снесла яйцо. Сбылась её
Заветная мечта, что в этом мире
Еще одна живительная нить
Продлится ею, воздавая Богу
За тот великий дар — продолжить жизнь.
Ты видишь, под крыло своё запрятав,
Она его лелеет, и любовь,
И всю себя ему же отдавая,
Чтоб воплотиться жизнью снова в нём.
Так не губи ты жизнь в её зачатке.
И это — только толика всего,
Что жажду я в слезах тебе поведать!
Благословит тебя за этот шаг
Творец на все века! Дорогой долгой,
Что до Семи небес тебе лететь,
Всечасно буду за тебя молиться!»
И горькими ручьями потекли Земные
слёзы...

Творец
... Что же ей ответил?

Азраил
Не камень вместо сердца у меня,
Но и не воск, чтобы в огне растаять.
Прости, — сказал Земле, — твою мольбу
Я выслушал всецело и, по правде,
Чуть не потухло всё моё нутро.
Да, горе велико, но ты запомни,
Что в мире нет превыше ничего
Веления Творца! И в утешенье
Скажу тебе, что нет твоей вины,
И не горюй напрасно. Ну а глину
Беру я в долг, чтобы вернуть с лихвой.
И, молвив это, изорвал утробу.
Просеивая словно в решете,
Я выбирал её, как будто душу
Из тысяч душ земных я выбирал.
И вырвал глины маленький комочек,
Который пред Тобой теперь, вот он.

Творец
Теперь поверил и доволен службой,
Ты, Азраил, признанье заслужил.
А глина красновата, словно цветом
Напоминает кровь. То словно лёд
Студит окрест, то словно в жар бросает...
Вот слушай повеление моё:
Ты, Азраил, принёсший эту глину,
Из коей человека сотворю,
Как только жизни срок его иссякнет,
Земле обратно с почестью вернёшь.
У всех людей, согласно моей воле,
Изымешь души ты. Отныне смерть
Во все века твоим уделом будет!

ВЫСОКИХ МЫСЛЕЙ ЛАКОНИЧНЫЙ СТРОЙ

**Когда-нибудь меня поймут,
Когда-нибудь меня услышат,
И междустрочье разберут,
И откровений горьких суть
Весьма старательно отыщут...
И что-нибудь еще припишут.
Р. Дидигова
(D'ont Be Agressive)**

Часто приходится слышать, что ингушскому поэту надо бы писать на ингушском языке. Ничего не имею против этого. В этом пожелании заключено стремление поставить поэтический талант на службу сохранению, укреплению, развитию ингушского языка – в общем, благое стремление. Однако я не согласен, когда значение поэта как такового ставится в зависимость от языка, на котором он творит. Язык для литературного творчества есть, в первую очередь, средство (как бы грубо это ни звучало), и поэтому выбор языка – проблема самого автора, для которого самое важное – чтобы данный язык мог адекватно выразить все то, что он хотел бы поведать читателю. А значительность поэта определяется несколькими другими факторами, в том числе и актуальностью вопросов, которые он поднимает в своем творчестве, и общественной ценностью идеалов, которые он утверждает (пропагандирует), а также реалистичностью изображения действительности (художественной правдой). Если поэт любит объект своего творчества и искренен с читателем, то он будет понятен и близок своему народу, на каком бы языке он ни писал. И творчество Раисы Дидиговой, которая пишет на русском языке, – яркий пример сказанному.

1
Первый сборник стихов Дидиговой Раисы Абукаровны вышел в 2002 году под названием «Прикосновение». Краткое, но очень теплое предисловие к первому сборнику было написано Саидом Чакхиевым. По свидетельству самой Р. Дидиговой, название сборника тоже было предложено им. Оно должно было подчеркивать, что автор только-только подбирается к поэзии, что эти стихи – первые контакты поэта со Страной Поэзией. В своем предисловии Саид Идрисович подчеркивал, что «ее стихи не требуют комментариев. Их не надо объяснять и нет необходимости кому-либо навязывать. Их надо просто читать» (Прикосновение, стр. 6). Конечно, классик прав: ее стихи не требуют пояснений. Но тем не менее хотелось бы поделиться своими мыслями по поводу стихов Р. Дидиговой и теми ассоциациями, которые этими стихами вызываются в душе.

Р. Дидигова предвещает свой сборник благодарностью в стихах, в некотором смысле объясняющей всю ее поэзию. Она характеризует свое творчество как попытки поделиться своими размышлениями о жизни. Поделиться со своим народом, который она любит и которым она гордится – за несгибаемость его духа, за его преданность справедливости. Именно гордостью за свой народ веет от ее стихов – как тех стихов, в которых она восславляет народ, так и тех, которые несут на себе отпечаток грусти и боли за присущие нам недостатки.

Этой неподдельной гордостью и беззаветной любовью к своему народу продикутованы и ее стихи о трагических страницах нашей новейшей истории, которые в творчестве Р. Дидиговой занимают значительное место. Написанные сразу вслед за трагедией, стихи о событиях осени 1992 года несут на себе следы публицистичности. Ведь Р. Дидигова не пытается стыдливо замолчать историческую правду и сеять пустые безосновательные иллюзии. Нет, она открыто говорит о неприглядном поведении тех, кто в силу обстоятельств оказался по ту сторону противостояния. Она применяет слишком, может быть, хлесткие определения при их характеристике, может быть, даже излишне натуралистично изображает сцены насилия и т.д. Но она всеми стихами призывает нас не ожесточаться, не опускаться до жгучей мстительности, не уподобляться тем, кого мы обвиняем в бесчеловечности. Мы все – и преступники, и потерпевшие – жертвы современного «безвременья» (извините за тавтологию). Нам всем надо объединиться для блага всех (!) людей. Когда-нибудь закончатся и наши беды, ведь «все имеет свой конец».

Таким образом, главной темой этих патриотических стихов становится не описание ужасов осетино-ингушского конфликта, а поведение ингушского народа в эти дни. Р. Дидигова отмечает, как психологическую доминанту ингушей, их стойкость и незыблемую веру в справедливость. Даже в те страшные дни народ не призывает проклятия на головы палачей, а молча ждет, «наивно веря в справедливость, / Всем существом к России обратясь» (Геноцид). То есть надеялись,

что Россия вмещается и остановит эту провокацию, восстановит справедливость.

Именно в эти страшные дни ноября 1992 года Р. Дидигова обращается к нам с заклинанием сплотиться

**Во имя нашей Родины разбитой,
Поруганных отцовских рубежей,
Земли, рекой кровавою залитой,
Во имя и на благо всех людей!!!**

(Геноцид).

Обратите внимание: поэт обращается ко всем людям доброй воли с призывом сплотиться, но сплотиться не против кого-то, а во имя блага «всех людей», без деления на хороших и плохих, на своих и чужих. В том числе «во имя блага» и заблудших душ, тех, кто находится во власти ненависти и агрессивности. Ингуши не мстят больным и слабым – они им воздают по справедливости. Заблудшие души тоже нуждаются в излечении, их тоже надо спасать – спасать от них самих, от их собственной ненависти ко всему, что их превосходит. А для этого надо показать им, что жить можно и оставаясь человеком: без злобности, без подлости, без низости, без жестокости.

Здесь отражена не просто толерантность кавказской культуры, а ее поистине интернациональная сущность. Устами одного из лучших своих поэтов, тогда еще совсем молодой Раисы Дидиговой ингушский народ выражает свою уверенность в собственном призвании – явить миру образцы спокойствия, терпения, стойкости, выдержки и этим самым призвать всех людей к миру и согласию.

Р. Дидигова увещевает нас не скатиться в бесчеловечность. «Необходимо устоять!» – это звучит как приказ (Мрачная полоса). Потому что «растленье непростительно живым» (Безвременье). Потому что благо невозможно «на человеческой крови». Потому что «вне разума, во тьме безбожной / Не отыскать следов любви» (Адский круг). Потому что такие чувства, как отчаяние, уныние, ожесточение, злобность, ненависть, жажда мести есть чувства разрушительные, губительные для души человеческой. И в первую очередь для той души, в которой они рождаются. И только тот, кто способен противостоять этим деструктивным чувствам, лишь тот, кто в минуты наивысшего накала аффектов способен руководствоваться разумом, только тот сумеет стать источником и творцом блага – вот лейтмотив этого стихотворения. Да и многих других ее стихов.

**Ожесточенье – худший враг,
Источник блага – ты сама,**

напугует она свою дочь, которую постигла трагедия. Это – глубокая философская мысль. Ведь действительно, источником блага (если значение этого слова не сводить к голому утилитаризму) является только человек, как единственное из живых существ, могущее стать началом причинно-следственной цепи. Кстати, в отличие от советских марксистов и материалистов ингуши (как, наверное, и другие кавказцы) всегда считали, что «благородный» надо понимать не как «благо-рожденный» (то есть «имеющий благородное происхождение»), а как «благо-рождающий». Смирненное приятие необходимости, основанное на мудрости и поддерживаемое любовью к Человеку – вот источник блага (Ожесточенье – худший враг). А любовь к Человеку есть способность находить в себе силы понять человека,

поверить в него, простить ему плохое, полюбить за хорошее – если воспользоваться формулой советского писателя-фантаста Вл. Савченко.

И как подведение итогов всем этим размышлениям о непросто этапе истории ингушского народа звучит уверенность Р. Дидиговой:

**Народ мой не в чем упрекнуть;
Трагична, но чиста его стезя...**

(Я – дочь народа своего).

А ведь это – главное: сохранить чистоту помыслов, суметь увидеть в человеке творение Божье. Вот почему Раиса Дидигова, а в ее лице и весь ингушский народ, утверждает, что нельзя оставлять «грядущим поколениям» «ненависти пыл» (Туманный путь).

Однако Р. Дидигова хорошо понимает и неприемлемость равнодушия к заботам и тревогам тех, кто живет рядом с нами. Например, в стихотворении «Высохшая ива» говорится о стаях птиц, которые «резаются ... спесиво» на ветках ивы, пораженной «обжигающей желтизной». Но автору жаль не столько иву, сколько этих птиц. Глупые птицы, не знающие, не чувствующие еще приближение трагедии, не понимающие, что гибнет ива – их дом, их кров, их жилище. Гибнет ива, обеспечивавшая им приют и безопасность, дарившая им радость и оплакивавшая их боль. Погибнет ива – и некому будет понять и принять их. Так рвутся и связи между людьми. Если ты сегодня не замечаешь горя ближнего своего, завтра некому будет посочувствовать тебе. Если тебя не трогала чужая боль, никого не встревожит, не заденет твоя смерть. Если ты не отзывался на чужое горе, некому будет поддержать тебя в трудную минуту, некому будет отвести тебя от бездны, отвратить твое паденье.

Часто люди радуются преходящим радостям земным, не замечая нависшей над ними угрозы. А ведь еще Юлиус Фучик взывал: «Люди, будьте бдительны!». И этот призыв до сих пор актуален.

2

Для правильного восприятия творчества Р. Дидиговой необходимо четко различать активную позицию человека (я делаю) и пассивную (со мной происходит). Если я чего-то не хочу делать и поэтому не делаю – это пассивная позиция. Если я чего-то не хочу делать, но делаю – это активная позиция. Обобщая, можем сказать, что активность предполагает преодоление каких-то преград, в том числе и внутренних, а пассивность – это отказ от действия из-за собственной лени или нерешительности.

Необходимо также иметь в виду, что с этой точки зрения «действие» и «воздержание от действия» одинаково активные позиции. Следовательно, воздержание от действия нельзя путать с бездействием, так как бездействие всегда обусловлено ленью, а воздержание от (какого-либо) действия – это активная позиция, требующая для своей реализации приложения некоторых усилий со стороны субъекта, то есть требующая определенных энергетических затрат.

Так вот лирическая героиня Р. Дидиговой всегда занимает активную позицию – даже тогда, когда она воздерживается от действия. Для иллюстрации и подтверждения сказанного можем проанализировать стихотворение «Непонятая, ухожу...».

Все стихотворение о том, что не делает лирическая героиня Р. Дидиговой, то есть о том, от чего она воздерживается. Она не лицемерит, не льстит, не фантазирует, не притворяется кроткой, жалостливой, не играет в благородство, не интригует, не лжет. Она не мнит себя великой, не обвиняет в своих бедах других людей, не бездельничает, чужим трудом не наживается. Все эти глаголы выражают активное воздержание.

Но в этом стихотворении примечателен и другой момент. Из вышеприведенного ряда «активных глаголов» выпадает глагол «страдаю», который описывает, что «делается (с героиней)». Однако «в окружении» всех этих «активных глаголов» глагол «страдаю» неожиданно получает совершенно другой оттенок, приобретает иной смысл. Он как бы «начинает выражать» активное действие. И получается, что лирическая героиня Р. Дидиговой не просто пассивно претерпевает страдание, как претерпевают боль. Нет, здесь это – осознанное действие, оправданное некой высшей целью – стремлением остаться человеком в этом погрязшем в грехах и мелочности мире. И последняя строка «Увы ... таков характер мой» звучит уже не покаянно, не смиренно, а утвердительно-гордо. Мы видим, что лирическая героиня Р. Дидиговой ведет себя так не потому, что не имеет возможностей вести себя по-другому, а потому, что чувство собственного достоинства не позволяет ей иное поведение.

Продолжение на стр.6

ВЫСОКИХ МЫСЛЕЙ ЛАКОНИЧНЫЙ СТРОЙ

Продолжение. Начало на стр. 5

В наше время часто (даже слишком часто) приходится слышать о необходимости изжить в себе гордость. «Нам нельзя быть гордыми» («Кура хила йиш яц вай») – эта фраза звучит всюду.

Но быть гордыми нам не только можно, но и нужно. Быть гордым – значит иметь чувство собственного достоинства. Я горжусь тем, что я мусульманин, тем, что я ингуш. Я горжусь своими родителями, своей фамилией. Горжусь своими хорошими делами и добрыми помыслами. Историей своего народа, его традициями и обычаями.

Человек, уважающий себя, не может не гордиться собой. Уважающий своего отца не может не гордиться им.

Человек должен иметь хоть что-то, чем он мог бы гордиться. Он должен жить так, быть таким, чтобы иметь право гордиться собой. Таким, чтобы его потомки могли им гордиться.

Человек, лишенный гордости, то есть человек без чувства собственного достоинства, никого не будет уважать и чтить. И будет способен лишь на мелкую зависть и злобную ненависть. Как говорили наши предки, только Достойный способен чтить Достойного.

Может быть, те, кто говорит о необходимости подавить в себе чувство гордости (инг. «курал»), имеют в виду не гордость, а гордыню (инг. «сонтал»)? Возможно. Но тогда и говорить надо о «сонтал», а не о «курал».

В человеке – два начала: божественное и тварное. Божественное у него от Бога, а животное – от мира сего. Так вот гордость есть чувство, ориентирующее человека на реализацию всего того, что в нем есть от Бога, а гордыня – это чувство, оправдывающее любые его неприглядные поступки ссылкой на его «изначальную животность».

Гордость настраивает меня на «нравственный рост», ибо она «заставляет» меня быть не хуже уважаемых мной людей, а гордыня «успокаивает» мою совесть ссылкой на то, что «другие ведь еще хуже». Таким образом, гордость нужна тем, кто стремится к благородству (чтобы они не позволяли себе недостойные поступки), а гордыня нужна тем, кто утверждает свое право на низость.

Поэтому у Мужчины должна быть гордость, но он не имеет права на гордыню. Галг I ай меттала аьлча, курало малача сагах Кьонах ву, сонтало бежан ду цох.

К чему мы это? А к тому, что все стихи Р. Дидиговой – это мироощущение гордого человека, человека, активно изменяющего действительность, а не пассивно претерпевающего ее. Человека, который даже страдание выбирает (способен выбрать) сам. В том смысле, что во имя каких-то идеалов он идет на страдания (путь к вершине всегда сопряжен со страданиями). Как во имя человеческого счастья пошел на вечные муки Прометей. Кстати, ингушский прототип древнегреческого Прометея носит имя Куркъа, что этимологически распадается на «кура» – гордый, и «къа» – сын.

Лирическая героиня Р. Дидиговой не чванится, не хвастается своим выбором, своими поступками. Она гордится ими.

Однако давайте вернемся к первой строке рассматриваемого нами стихотворения: «Непонятая, ухожу...». Внимательный читатель сразу заметит двусмысленность этой строки. Я воспринимаю эту строку в том смысле, что, когда лирическую героиню Р. Дидиговой не понимают, она не бросается в полемику, а просто «отходит в сторону». Но ведь слово «непонятая» в этом стихе может быть воспринято и как прилагательное, мол, «ухожу непонятая». И тогда смысл всего стихотворения будет несколько иным, а именно: «меня не поняли, я вынуждена уйти и поэтому хотелось бы напоследок попытаться объясниться». Весь тон стихотворения в этом случае становится каким-то оправдывающимся. Мол, вы меня не поняли, но так как я вынуждена уйти, то хочу напоследок заявить вам, что я в жизни не делаю того-то и того-то, вследствие чего страдаю. Строку «Увы ... таков характер мой» в этом случае можно будет трактовать как выражение сожаления по поводу своего характера. Т.е. стихотворение приобретает несколько покаянный оттенок. И в отношении к собственному характеру лирическая героиня оказывается в некотором смысле в пассивной позиции.

А первая строка при этом выпадает из смыслового поля стихотворения.

Но ведь вся лирика Р. Дидиговой говорит об активности ее жизненной позиции. Поэтому я склонен считать, что «непонятая» – это причастие и лучше было бы написать «Непонятая – ухожу...». В смысле, «когда меня не понимают, я ухожу, не пытаюсь объясниться». Кстати, в другом месте эта мысль высказана вполне ясно:

*Я понимания не жду...,
Отчаявшись, в себя уйду...*

При таком понимании первой строки стихотворения совсем по-иному воспринимается и последняя строка, которая начинает выражать не сожаление лирической героини по поводу своего характера, а добродушную снисходительность к тем, кто не понял ее (лирическую героиню). А все стихотворение начинает выражать стремление автора самой решать и выбирать свою судьбу, а также неприятие ею необходимости оправдываться.

«Как искренность мне сохранить, / В двуличном мире пребывая?» – вопрошает лирическая героиня Дидиговой. Почему же ей так важно сохранить искренность в этом лживом и чуждом чувствующему сердцу мире? Что же толкает ее на эти жертвы? Гордость!

«Как ... не оправдываясь жить, / Судьбу свою не разъясня», – восклицает она. И опять мы видим, что она не желает оправдываться. Почему?

Чтобы управлять человеком, надо прежде всего привить ему ощущение вины (не важно, за что), заставить его оправдываться. Тогда он почувствует себя слабым и униженным – ведь оправдываются только перед превосходящей силой. Вот почему благородство не любит оправдываться, равно, как и обвинять. Вот почему лирическая героиня Р. Дидиговой восклицает с горечью:

Кому же предъявить мне счет

За столько лет моих бесцветных?

(«Не захотел понять меня...»)

За бесцветно прожитые годы отвечать придется каждому из нас самому – нереализованностью своего предназначения.

Между тем, необходимо подчеркнуть, что гордость в понимании Р. Дидиговой – вовсе не антипод смирения. Гордость – это стремление быть не хуже лучших. Это осознание необходимости быть не хуже лучших.

3

Совсем в ином ключе, в ином стиле написано стихотворение «Сожаление», которое, на наш взгляд, является настоящим шедевром. Очень не хочется портить его аналитическим разъятием, но не удержимся от искушения сказать несколько слов по поводу его.

Мать звонит дочери: «Ты нас как будто позабыла?». В этом полувопросе-полуутверждении дочь улавливает упрек. И инстинктивно начинает оправдываться избитыми клише – «Я занята... и приболела»... Но сразу же понимает всю неуместность этих оправданий: ведь мать не обвиняет ее, и не требует никаких объяснений! Перед матерью не надо оправдываться – если в этом будет необходимость, она сама тебя оправдает лучше любого адвоката. И поэтому слова «Не в этом дело...» дочь адресует не столько матери, сколько самой себе.

Вдруг на мгновение показалось –

Вернулась в детство я опять...

Именно непосредственность восприятия, искренность и чистота помыслов, свойственные всем нам в детстве, подсказывают дочери единственно правильные и естественные слова: «Прости меня... Мне нечего сказать... прости!».

То, что строки о детстве автор поставила после слов покаяния, психологически очень верно. Действительно, дочь сначала говорит подсказанные сердцем правильные слова, и только потом осознает умом, что она находится в состоянии детской непосредственности, когда верные решения не осознаются понятийно, а чувствуются интуитивно. Ведь поэтому, наверное, дети никогда не ошибаются в оценках «доброй» – «злой» и всегда искренни в своих высказываниях.

На это чистосердечное покаяние мать говорит, успокаивая дочь: «Ты знаешь ... я могу понять». И, как будто бы через «но», сообщает дочери:

Готовлю каждый вечер ужин,

Тебя надеясь угостить...

Отец немножечко простужен...

Скушает, просит навестить.

Какая великая грусть явлена в образе матери, для которой возможность угостить собственную дочь является лелеемой надеждой (иначе она не готовила бы ужин ежевечерне). А перенос слова «тебя» в начало строки ставит это слово под логическое ударение, показывая, что для матери самое важное – угостить именно ее. В самом стремлении матери угостить дочь мы угадываем ее попытки упрочить связи дочери с детством, еще раз вернуть дочь в состояние детства, когда она нуждалась в опеке матери. То есть вернуть ее в чистоту и умиротворенность детства и этим самым уберечь ее от грязи окружающего мира.

А осторожное «Отец немножечко простужен» звучит страшно умиленно. (Понятно, что «немножечко простужен» не совсем правильно и стилистически и семантически. Это сказано не по-русски. Но это сказано «по-ингушски» – «Кезиг-дукха шелал кхийтта могаш вац хьа да». Р. Дидигова чутко уловила, как выразится мать, которая, с одной стороны, вынуждена сообщить дочери о болезни отца, а с другой стороны, пытается смягчить

воздействие на дочь этой негативной информации, пытается не испугать дочь.)

Далее мать «с грустью тихой» признается дочери,

Как мучает ее вина,

Что редко к матери ходила,

Пока она была жива.

Этим признанием мать пытается предупредить дочь, оградить ее от возможных в будущем угрызений совести. Но не только. Этим признанием мать как бы и оправдывает дочь в ее же глазах, мол, я тоже в свое время «редко к матери ходила».

Дочери стыдно, она понимает, что воспоминания об упущенных возможностях согреть душу матери всю жизнь будут студить сердце ей самой. Но получится ли у нее навещать ее чаще.? Реальность нашей жизни не дает поводов для оптимизма в этом вопросе.

Это стихотворение, на мой взгляд, одно из лучших в мировой литературе стихотворений о матери.

4

О чем бы Р. Дидигова не писала, она пытается, как говорил классик, «во всем дойти до самой сути». И именно до философской сути. Среди основополагающих метафизических вопросов для Р. Дидиговой одним из важнейших является вопрос «быть или казаться» – ослабленный вариант бессмертного гамлетовского вопроса, явленный в на много менее пафосной, менее трагичной форме, и своей приземленностью вполне соответствующий современной мелочности наших чувств и поступков, нашей «карликовости».

Гамлетовский монолог может быть интерпретирован не только как «жизнь – смерть», но и как «действие – бездействие» (ru.wikipedia.org/wiki/быть_или_не_быть). Именно такая трактовка данной дилеммы – «быть (кем-то) или не быть» и воспринята нами (ингушами), и именно она сведена нами к менее острой «быть или казаться». Вот почему слишком много среди нас людей, которые, хоть и не способны (заставить себя) «быть», но стремятся «иметь репутацию», если воспользоваться известной формулой Эриха Фромма. Мне не хватает каких-то качеств, чтобы быть образованным, но я хочу иметь диплом об образовании. Для меня слишком обременительно быть честным, но я хочу казаться таковым. Мне не под силу быть Эздий Кьонах, однако я пытаюсь слыть им. То есть мы понимаем, что надо быть образованными, честными, эздий, просто не у всех хватает для этого необходимых душевных качеств. Таким образом, наши недостатки оказываются продолжением наших достоинств. Но радуется и обнадеживает то, что, не способные «быть», мы, тем не менее, стесняемся «не быть». Значит, в массе своей народ еще осуждает бездействие, отказ от действия. А, как говорил в свое время Ф. М. Достоевский, о народе надо судить не по тому, каков он есть, а по тому, каким он мечтает быть.

Это стихотворение интересно еще и тем, что оно многопланово. Оно создает удивительную картину, удивительное сочетание образов, неожиданный ассоциативный ряд. Вчитайтесь: беспечный влажный ветерок, обессиленные ветки обнаженных деревьев, хмуро осыпавшиеся пестрые листья, дождь, метящий асфальт, и тем самым заявляющий свои права на него, заблудшая мысль, свинцовая сфера сомнений, серость осенней пелены. И среди всей этой неприглядной картины, достойной кисти Вахи Заураева и чем-то напоминающей фантазмагорический мир Франца Кафки – «слепой путник», человек, разбираемый противоречиями неумолимой дилеммы – «быть или не быть». Человек, для которого любые «пристрастия» смешны, ибо любые «выяснения бесполезны». (Дефицит истины опрокидывает чувства в сферу комического. Не потому ли самыми востребованными на сегодняшний день в нашем искусстве являются комедии?) Но ведь смириться с этим означает для нас идти по гибельному пути. Быть свободным от страстей еще не значит управлять ими. Животное тоже свободно от страстей (оно не знает их). А ведь человек потому и человек, что он обуреваем сильными чувствами (аффектами). И чтобы остаться человеком, ему надо не отказываться от них, а уметь и мочь владеть ими. Владеть же чувствами значит уметь сознательно направлять их энергию на благие деяния (основатель психоанализа З. Фрейд назвал этот процесс сублимацией). Вот почему «слепой путник» у Р. Дидиговой незаметно для себя «идет к потрясениям». Отказавшись от «выяснений» и «пристрастий», он приобрел ту свободу, которую нобелевский лауреат Альбер Камю называл «страшной свободой слепца».

Х. НАКОСТОЕВ

Полную версию статьи Вы можете
найти на нашем сайте

Подборку стихов Раисы Дидиговой читайте на стр.8

Мурадин Ольмезов. Зеркало к зеркалу.
Книга стихов. Таганрог: Ньюанс, 2012.

НА ВЕРШИНЕ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

эта, миссия, с которой он приходит в наш мир: соединить, сопрячь его — видимый, реальный — с миром потусторонним, горним. А ведь вселенная наша после большого взрыва расширяется и, как недавно открыли ученые, расширяется с ускорением. В последнее время энергия разрыва как будто проникает из космоса в человеческие души и все труднее становится преодолеть разобщение людей друг с другом и каждого со своим внутренним «Я» и с окружающим миром. Человеку, погрязшему в суете выживания, обманутому яркими гламурными рекламными призывами, втянутому в бесконечную гонку потребления, становится все труднее остановиться и просто посмотреть на небо, оглянуться и увидеть, что идет дождь или светит солнце, вспомнить, что есть вечные ценности в жизни и есть сама вечность — не пугающая бездна, но всеобщий исток, к которому всё возвращается.

Мурадин Ольмезов совершенно естественно и органично обитает одновременно в двух мирах — обыденном и высшем, сакральном и профанном, объединяя их в своем творчестве. Отталкиваясь от нашей привычной, обыденной или/и ужасающей реальности, поэт неизбежно оказывается в реальности иной, как будто, зная тайный канал, выныривает из конкретной точки времени и пространства в некий вневременной и впространственный мир. Например, его автобиографичное стихотворение «Родители мои, как все балкарцы...» начинается с описания совершенно реального чудовищного исторического факта — депортации всех балкарцев (включая детей, стариков и безногих фронтовиков!) в Среднюю Азию и Казахстан в 1944 году. Для поэта, родившегося в изгнании, это, несомненно, событие огромной важности, личная глубокая душевная травма. Но он не скатывается ни в пафос гневных обличений, ни в жалобы на несправедливость судьбы и людей. Уже к третьей строфе повествование плавно и незаметно перетекает из плоскости реальных событий на более тонкий, метафизический план: «С тех самых пор меня передает / ночь дню, а день — опять вручает ночи...», и завершается стихотворение чудесным, полным надежды финалом, который я с удовольствием приведу полностью:

Вот так я и живу, как и родился, —
в неволе, в заточенье, под надзором.
Но все-таки лелею я надежду,
что где-то существует вечный день
(а почему не может день быть вечным,
коль достоверна сущность вечной ночи?)
и я туда когда-нибудь проникну.

Объединяя в своем творчестве мир поту- и посюсторонний, Мурадин Ольмезов совершает невозможное — совмещает несовместимое. Его стихи, как линия горизонта, соединяют земное и небесное в недостижимом прекрасном далеке.

2. Поиски себя

Я однажды
себя потерял.
Средь людей
я искал себя долго...
Но нашел,
как ни странно,
среди птиц.

Ту же самую — объединяющую — роль поэт играет в отношениях человека с природой. В наше время, казалось бы, даже дети знают, что человек является частью природы, и все-таки большинство человечества продолжает считать себя царем природы, предпочитая жить в рамках антропоцентрической парадигмы (пока природа ему это позволяет). Великолепно выпадение поэта из этого преобладающего предрассудка. Очеловечивая явления живой и неживой природы и, напротив, обнаруживая природное, стихийное начало в человеке, он строит отношения человека и природы даже не на равных, а на родственных началах.

В стихах Мурадина Ольмезова человек и природа отражаются друг в друге, как в зеркалах, поэтому так символично название его последней книги: «Зеркало к зеркалу».

Про то, что в мире поэта камень, река и ветер могут завидовать друг другу, я уже упоминала. А еще у него зеркало может состариться и перестать смеяться «звонко, как когда-то», крыльцо — убежать от дома с протяжным криком, ветер — молчаливый и задумчивый — сидеть над обрывом, свесив ноги, дождь над городом — не смеяться, а плакать, а звезды, окоченев от мороза, — стучаться к нему в окно.

Взаимопонимание поэта и природы настолько тесное, что безоговорочно веришь, когда Мурадин Ольмезов вопрошает: «А что, разве звезды не люди, / не братья мои?», когда он жалеет деревья, которым тяжело жить в городе: «Всю эту ночь / я выводил деревья / из города. / До самого

утра», когда пишет о том, что снится птичьим гнездам долгой холодной зимой: «Пока ждем, / чтоб весна наступила, / в птичьих гнездах / мечтания их спят», когда разговаривает с цветком и родником:

Чья ты улыбка, цветок?
Кто тебя здесь обронил?
Девочка?
Птичка?

Песенка чья ты, родник?
Кто тебя здесь обронил?
Мальчик ли?

Дождик?

В этом коротком стихотворении единство человека и природы выражено, на мой взгляд, с красотой и точностью поэтической формулы.

3. Космогония

Камень сам —
время,
сжатое в точку

В мире Мурадина Ольмезова природные предметы и явления рождаются не только с человеком, но и друг с другом. Они плавно перетекают одно в другое, вовлекая в круговорот взаимных перевоплощений и само время, создавая образ вечно живой, непрерывно меняющейся, пульсирующей вселенной и подводя читателя к идее единства мира, которая кажется такой естественной и простой, когда уже стала твоей, но так трудна для постижения, если идти к ней логическим, научным путем, что на это уходят долгие годы жизни.

А ведь вместо многих философских трактатов можно прочитать несколько стихотворений, таких, как «Суровые снежные скалы...», «Как облако в дождь превратится...», «Камень птицей хотел бы родиться...» и получить эту истину в дар от поэта, причем не как чужое, сообщенное тебе на уроке знание, а как личную, выстраданную, выношенную мысль.

4. Преодоление

...они ведут беседу по-балкарски,
я говорю
на звездном языке.

Говоря о книге поэтических переводов, невозможно обойти вниманием личность переводчика — соавтора и даже сотворца представленных произведений. По большому счету, каждый поэт — переводчик. Он транслирует читателю внутреннюю жизнь природных явлений, а также, по словам Марины Кудимовой, переводит себя на общечеловеческий язык. Но и здесь, как в любом деле, есть переводчики и ... переводчики. Сделать точный перевод способны многие, но передать особенности поэтической индивидуальности автора, пишущего на редком языке древнего народа, на котором сейчас в целом мире говорят всего около 120 000 человек, донести до читателя все нюансы национального менталитета, — задача не из легких. В этом отношении нам повезло, потому что в Нальчике живет и работает замечательный русский поэт Георгий Яропольский. Человек европейской культуры и образованности, выросший на Северном Кавказе, учившийся в нальчикской школе, имеющий среди друзей представителей всех народов этого многонационального региона, поэт мощного лирического дара и одновременно философ и аналитик по складу ума, здесь он не мог не стать переводчиком в самом широком смысле этого слова. Трудно переоценить значение фигуры переводчика в наше время, тем более для региона, который является болевой точкой огромной евроазиатской страны, переживающей тяжелый период сепаратизма.

Георгий Яропольский переводит многих балкарских и кабардинских поэтов, но, по-моему, его творческое сотрудничество с Мурадином Ольмезовым — случай особый, ибо здесь счастливо совпали какие-то глубинные вибрации, душевный строй. Личности автора и переводчика видятся мне равновеликими и чудесным образом дополняют и уравновешивают друг друга, даря нам ту высокую радость узнавания и взаимопонимания, когда хочется сказать: «Мы с тобой одной крови — ты и я!» Они словно взобрались на вершину Вавилонской башни, преодолев древнее проклятие человеческого непонимания. Как хорошо, что они оба умеют говорить на звездном языке! Может быть, этому способствует величественное зрелище двухголовой бело-снежной громады Эльбруса, рядом с которым особенно отчетливо ощущается мелочная и преходящая природа человеческих распрей.

Как бы то ни было, стихи Мурадина Ольмезова, любовно выпестованные, свободные и прекрасные, доступны всем — читайте и наслаждайтесь.

Лука у дороги
высыхает.
Девочка зачерпывает воду —
и ее на травы выливает...
Так птенцов пускают
на свободу.

Лера МУРАШОВА

1. Земное и небесное

Ведь душа твоя, знаю, крылата,
а в глазах твоих —
отсвет небесный.

Удивительно умение поэта видеть поэзию вокруг себя — в предметах и природных явлениях, в людях, в мертвой и живой природе. Даже в таком, казалось бы, мелком и не очень любимом многими животном, как лягушка, он может разглядеть проявление чуда жизни:

Эта лужа
была бы стеклянной,
не найди в ней приют
лягушонок,
пучеглазый
и гордый собой.

Камень, дерево, река, огонь, ребенок и старик, звезды, брошенный дом, ручей, зеркало, дождь, — все они разговаривают с поэтом, раскрываются, рассказывают каждый свою историю. Оказывается, «Камень к дереву зависть питает, / потому что не может расти. / Ну а древо стать речкой хотело б: / та течет, сколько ж видит она! / А вот речка завидует ветру — тот летает по воле своей, / не стесненный границами русла». Это стихотворение называется «Зависть». Вот такие маленькие шедевры буквально рассыпаны по страницам книги Ольмезова.

С одной стороны, видно, что поэт живет в реальном мире, его волнуют все жизненные проявления, в том числе и социальные проблемы, но в каждом текущем мгновении он прозревает нечто вечное, доходит до глубинной сути любого явления и щедро делится своими прозрениями с читателем. В этом и заключается призвание настоящего по-

РАИСА ДИДИГОВА

ВЫ ЗНАК БОЖЕСТВЕННЫЙ НЕСЛИ...

Памяти Али Асхадовича
Шогенцукова

На смутном рубеже веков
Явившись в бытие земное,
Трагической своей судьбою
Вы мрачный рушили покров,
Мир избавляя от оков.
Ваш жизненный короткий путь
Был тяготами переполнен,
Благодеяньями исполнен,
Составившими Вашу суть.
Вы знак Божественный несли!
И были движимы любовью
К Отчизне милой! И сыновью
Честь неотступно берегли!
Баксан родимый, Кабарда,
Величественных гор природа,
Судьбина горькая народа,
Повёрнутая вникуда,
Дух закалили навсегда!
Вы, словно зарево во мгле,
Препоны тьмы одолевая,
За слоём слой освобождая,
Дарили свет родной земле.
Познали на чужбине
Вы Лишений нестерпимых муки
И бремя длительной разлуки
Тех судеб, что разведены...
Звучать навечно обречён
В строках застывший возглас «Панд!»;
Он мысли гложет непрестанно,
Отчаяния полный стон!
Но, слушая печальный зов,
Всё слышится стенанье века,
Призыв к морали Человека,
Порой... закрытой на засов!
Осталась тенью на лице
Боль, что терзала сердце Ваше,
И метой роковой окрашен
Тон скорби в памятном венце.
То - не венчающий конец,
А золотой посыл творений,
Живущий в душах поколений,
Духовной красоты венец!

Декабрь 2010, года

БАЛКАРИЮ ПОДНЯВШИЙ К ОБЛАКАМ...

Памяти Кулиева Кайсына
Шуваевича

Живым, неисчерпаемым теплом,
Связующим духовным естеством,
Исходит память о великом сыне
Балкарского народа, о Кайсыне,
Изведавшем судьбы крутой излом
И ставшем несгибаемым столпом.

С прямой стези не сбиться, не сойти,
В грядущее уверенно идти
Сумел Кайсын, благодаря истокам,
Что эпохальным не подвластны срокам;
И предков благодатному пути
Он следовал, чтоб мудрость обрести
И собственной судьбой превознести
Всю нравственную силу, что в чести
В роду была всегда... Её нести
По жизни смог светящимся потоком
А жизнь не раз испытывалась роком!
И эта мощь позволила взойти
На ту вершину, что не превзойти.

С высоким духом Человек земной,
Величественной слышавший простотой
И добротою щедрой, неизменной,
Признание снискавший всей Вселенной,

То бурю навевая, то покоя
Грохочущей и льющейся строкой.

Он истиной безмерно дорожил,
И с трепетом особым ей служил,
Как настоящий горец и мужчина;
И с этой чистотой непогрешимой
В гармонии свой славный век прожил,
С ней тяготы лишений пережил.

Оставшись без отца, он с ранних лет
К преодолению приучался бед
Трудом упорным и немим терпеньем.
Так, тяжело и в самоотреченье,
Жила Кайсына мать. Её смиренье
Несло, казалось, светоизлученье;
То был поэт окрылявший свет,
В его твореньях сохранивший след.

Благоволеньем Божьим был храним
И мужеством присущим одержим
Кайсын, в горниле самом воевавший
И воинскую доблесть воспевавший.
Его из строя вывели раненья,
Полученные на полях сраженья,
Но попевало вовремя спасенье,
Даря надежду на выздоровленье;
Был в госпитале он на излеченье,
Когда стихов своих услышал чтение,

Звучавшее на радиоволне,
В динамике, висевшем на стене.
Их слушали тогда по всей стране
Те, кто в тылу был или – на войне.

Произвели творенья впечатленье,
Прослеживалось в откликах волненье;
Писателей известных восхищенье
Усугубляли автора смущенье.

Коллег доброжелательный посыл
На новые свершенья вдохновил;
Он дружбу их с Кайсыном зародил
И знаковым явлением прослыл.
Стал творческий союз неразделим,
И был всегда творцами свято чтим.

Тогда же... провозжая день за днём
Всё о Чегеме тосковал родном;
И представлял, как вновь войдёт в свой дом,
Как мать его с улыбкой встретит в нём,
И станет слёзы утирать тайком
Мережкой украшенным платком.

Но... словно в измеренье временном
Он оказался вдруг совсем ином:
С войны вернулся в разорённый дом,
Припав к земле, он плодоносный ком
Всё обнимал, лаская... и мгновенья
Бессилия и полного смятенья
Повергли плоть его в оцепененье!
И длилось, длилось тенью иступленье...
А властью было принято решение:
Не подвергать поэта выселенью
И предоставить место поселенья
В местах родимых, где прошёл погром,
Или в краю, каком-либо другом.
Отверг Кайсын такое предложенье;
Отправиться решил он, без сомненья,
Вослед народу, в спецпереселенье,
Чтоб разделить с ним участь целиком,
Расставшись с отчим домом и селом.

Дышало сожаленьем всё кругом;
В порыве чувств обьяввших вихрем
Кайсын дорогой в ссылку был влеком,
Но вдруг застыл на миг от умиления:
Там... ослик на окраине селенья,
Недвижимый, стоял за валуном
В сиротском одиночестве своём...
С блуждавшим отрешённым существом,
Страдавшим с ним на Родине вдвоём,
Кайсын простился в сумраке дневном,
Казавшимся ещё кошмарным сном.
В душе, всегда искрившейся добром,
Случился поразительный надлом;
Не привело её стенанье к смуте,
Но горечь зрится в философской сути.
Противоречий угнетавших сонм
Передаётся стонущим стихом,
Где глубоко прочувствованы грани
Печальных строк о раненном том камне,
О дереве, сражённом топором,
И боли, что не выразить пером;
О судьбах, ставших издавна своими,
Людей, которых он любил живыми...
О тех утратах, что постичь умом,
Казалось, невозможно... и узлом
Тугим сжимали вяжущие нити,
И горе продолжало вить и вить их...
А беспощадный бытия разлом
Шёл, судьбы разрушая, напролом.

Он раненную душу понимал,
Как братьев всех друзей воспринимал,
Сердечной болью боль их принимая,
Её душевной негой облегчая,
Деянием и словом помогал.
О том же, как Кайсын переживал
Вещает посвященье Джемалдину*,
Так сострадая, пишут брату, сыну,
Когда напоминает жизнь обвал:
Крепчать и мудрым быть его призвал,
И по-мужски сурово убеждал
В том, что чернее быть не может дня,

Потери - больше, но судьбу кляня,
Тот, кто однажды потерял коня,
..Ведь плётку потеряв, уже не плачет.
Не может горец поступать иначе!
И, как бы участь ни была горька,
Просил спокойным быть, как облака
По жизни, что как бурная река
Течёт. Кого не бьёт беды рука?

Кайсын, немало испытавший, знал,
Что близкий друг терял и обретал...
Но, падая, творец всегда вставал,
Слов жалобных не молвил, не стонал,
Неимоверной волей побеждал
Переживаний горестных накал.

Народов репрессированных час
Настал: их возвратили на Кавказ;
Погибло ссыльных больше половины,
Изведав истязания чужбины...

Но стойкий дух народы всё же спас,
Людей их лучших был услышан глас.

Является Кайсын одним из тех
Кто приближал счастливый день для всех,
И, несмотря на череду помех,
Достигнут судьбоносный был успех.
А достиженьем вехи возрожденья
«Могучей кучки» стало зарожденье;
Пожизненно Кайсын объединял
Сподвижников, которых обаял.
И новых дарований выявленью,
И молодых талантов становленью
Он пристально вниманье уделял...
И творческий народ призыву внял.
Стезя литературного движенья
Нацелена была на достиженья;
Писателей восстановили цех,
А с ним – и связь разъединённых веж.

Но времени разорванного мгла
В сознании людей ещё жила,
Невольной отступая пред рассветом,
Его отягощая чёрным цветом.
Она не отразится не могла
В том, что гряда поэтов создала:
Рождавшиеся полнились сюжеты
И счастьем, и отчаянием воспетым,
Но рушило добро в них силы зла...
Печали уходящей тень светла.

Кайсын старался мягко наставлять
Соратников, чтобы пылливый взгляд,
О прошлом помня, стали устремлять
Вперёд, не поворачиваясь вспять.
Какая б в сердце не закралась вьюга,
Учил он: избавляться от недуга,
Творя, любить и уважать друг друга
И помнить, что воздастся по заслугам.

Его гуманистический настрой
Лучится всеобъемлющей волной
Столь редкостного мироощущенья
В пронзающих сердца произведеньях;
Им созданный лирический герой
Являет образ автора собой,
В нём потрясает тонкость наблюдений
И трогаящих душу откровений,
Приковывает чувств и мыслей рой,
Пророчеством навеянный порой.

Поэзии воздвигнув вечный храм,
Балкарию поднявший к облакам,
Прославивший величием Кавказ,
Пленивший красотой строфы Парнас,
Гласивший всё мощнее год от года,
Поэт многострадального народа,
Хранивший свято преданность корням,
Любовь питавший к людям и камням,
Принадлежащий ныне двум мирам,
Кайсын Кулиев к Высшим небесам
Вознёсся и звездой сияет там!

Февраль 2013 года

НОВЫЕ КНИГИ

Все представленные материалы выложены в свободном доступе на сайте Клуба писателей Кавказа - www.pisateli-kavkaza.ru
На сайте открыты персональные страницы всех членов Клуба писателей Кавказа. Добро пожаловать на наш сайт.

Газета «Литературный Кавказ» Межрегиональной общественной организации «Клуб писателей Кавказа» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-38545 от 18. 12. 2009.

Учредитель – Межрегиональная общественная организация «Клуб писателей Кавказа»

САЛИХ ГУРТУЕВ – главный редактор.
ЭРДИН ЭЛЬДЫШЕВ - 1-й зам. гл. редактора.
РАИСА ДИДИГОВА – зам. гл. редактора.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Муса Ахмадов – чеченская литература, Гафар Гусейнов – азербайджанская литература, Магомед Насруллаев – аварская литература, Билял Аппаев – карачаевская литература, Борис Гусалов – осетинская литература, Бадрутдин Магомедов – кумыкская литература, Увжук Тхагапсов – черкесская литература, Максим Алимов – лезгинская литература, Аминат Абдулманова – даргинская литература, Хизри - лакская литература, Ильясов Мадина Хакушева – кабардинская литература, Мурадин Ольмезов – балкарская литература, Татьяна Кулик - Краснодар, Фарид Сидаметова – ногайская литература, Лариса Шибзухова – абазинская литература, Ваха Хамхоев – ингушская литература, Юнус Чуяко – адыгейская литература, Елена Петросян – армянская литература.

Дизайн и компьютерная верстка Батимова Лейла

Адрес редакции
360901, КБР, п.Белая Речка,
ул. Бабаева, 75
e-mail: sgurtuev@mail.ru

Газета отпечатана в типографии
«Тетраграф»
360000, КБР, г.Нальчик, пр.Ленина, 33

Заказ №

Тираж 1000